

И. В. Кондаков²,
А. Б. Брусиловская³

СОЮЗ ГЛОБАЛИТЕТОВ КАК БУДУЩЕЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (Ценностно-смысловой анализ)

1. Представления о феномене глобализации под влиянием стремительно происходящих геополитических сдвигов в мировом сообществе со времени 1980-х годов (когда в научный лексикон политологов, социологов и культурологов вошел термин *globalization*) кардинально трансформировались. Вначале разрушилось ошибочное мнение, что глобализация едина для всех стран, континентов, цивилизаций и культур, а общим ее источником является американизация промышленности, торговли, массовой культуры, туризма, образа жизни и тому подобного во всем мире. Международные исследования, проведенные на рубеже XX–XXI веков под руководством С. Хантингтона и П. Бергера⁴, показали, что глобализация не только интегрирует цивилизации и культуры, существующие на земле, но и дифференцирует их, разделяет и противопоставляет друг другу. Возникают локальные версии глобализации: североамериканская и западноевропейская, китайская и японская, латиноамериканская и индийская, российская и исламская и др. Поневоле в мире возни-

кает соревнование и борьба глобализаций, преследующих различные политические, религиозные и культурные цели. В меньшей степени эта тенденция затрагивает научно-технические и финансово-экономические аспекты глобализационных процессов.

2. Вторая важнейшая трансформация феномена глобализации связана с открытием структурной единицы глобализации — *глобалитета*, то есть актуальной или потенциальной способности быть глобальным фактором мировой политики и всемирной культуры и в качестве такового иметь мировое значение и влияние⁵. Все культуры мира обладают неповторимым своеобразием (*менталитетом*); точно так же каждая культура обладает своим оригинальным местом (*локалитетом*) среди других культур — смежных, близких в политическом, религиозном, языковом и культурном отношении. А вот глобалитетом (всемирным значением) обладают лишь немногие культуры и цивилизации — как правило, имеющие длительную историю своего развития, включенные в широкий и разнообразный культурно-исторический контекст, обладающие обширным полем ценностно-смыслового влияния на другие культуры⁶. Большинство локальных культур находятся под влиянием немногих господствующих глобалитетов (западно-европейского, американского, исламского, китайского, российского и т. д.) и во многом разделяют ценности, традиции и принципы этих системообразующих общностей.

3. Все глобалитеты исторически нестабильны и в рамках «большого времени» могут испытывать периодические подъемы и спады. Периоды таких колебаний измеряются столетиями и тысячелетиями и не совпадают для разных глобалитетов. Так, например, американский, китайский и исламский глобалитеты в начале XXI века находятся в фазе подъема, а европейские глобалитеты, а также российский пребывают в фазе спада, кризиса, что связано с целым рядом не связанных между собой причин (экономических, социальных, политических, культурных), требующих специального углубленного анализа. Например, подъем российского глобалитета в конце XIX — начале XX века был связан с возникновением в русской художествен-

² Профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук, кандидат филологических наук, Почетный работник общего образования РФ. Автор более 900 научных публикаций, в т. ч.: «Культура России», «Культурология: история культуры России», «Вместо Пушкина. Незавершенный проект. Этюды о русском постмодернизме», «Русский масскульт: от барокко к постмодерну», «Сталин: Pro et contra», «Глобалитет России (К постановке проблемы)», «Россия–Китай: состязание глобалитетов» и др. Заслуженный профессор РГГУ. Член Российского культурологического общества, Российского философского общества.

³ Старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, кандидат культурологии. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Культура повседневности в эпоху „оттепели“: метаморфозы стиля», «Русская интеллигенция между прошлым и будущим», «От „глобальности“ — к камерности: „Очеловечивание“ советского экрана в эпоху „оттепели“», «Культура „оттепели“ в России и Запад: от конфликта к диалогу», «Диалог культур в контексте глобализации», «„Границы мне мешают...“: Путешествие в эстетике поколения шестидесятников», «„Оттепель“ как феномен отечественной глобализации» и др. Член Российского культурологического общества, Мандельштамовского общества.

⁴ См.: Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова, под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004.

⁵ См. подробнее: Кондаков И. В. Глобалитет как форма цивилизационной идентичности // Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 134–156.

⁶ Кондаков И. В. Указ. соч. С. 465–469.

ной культуре феномена *всемирной отзывчивости*, обоснованного Ф. Достоевским на примере А. Пушкина, а его спад — с поражением России в Первой мировой войне, с победой Русской революции и началом кровопролитной Гражданской войны и русской эмиграции. В XX в. подъем российского глобалитета был вызван победой СССР во Второй мировой войне и успехами цивилизационно-культурного строительства в послевоенное время, а спад его — распадом СССР, экономическим, политическим и цивилизационным кризисом 1990-х гг., упадком позднесоветской культуры и противоречивыми исканиями постсоветского времени¹.

4. В условиях кризиса отдельных глобалитетов стихийно возникает потребность и даже необходимость объединения ослабевших глобалитетов в *союзы глобалитетов*. Сперничество отдельных глобалитетов², даже остающихся сильными, развернувшееся на современной мировой арене, также способствует формированию союзов, вступающих во взаимодействие именно как глобальные союзы. Было замечено, что сотрудничество глобалитетов предпочтительнее, чем их столкновение и борьба, что между глобалитетами лучше получается диалог и взаимопонимание, чем между менталитетами культур, не способными к настоящему общению³. Все эти соображения лишней раз подтверждают неоспоримые преимущества глобальных союзов перед глобальными расколами и конфликтами.

5. Яркий пример союза глобалитетов в начале XXI века демонстрируют активно развивающиеся российско-китайские отношения⁴. Ни о каком «слиянии» культур России и Китая здесь, конечно, речь не идет: слишком разными являются не только многовековые культурные истории двух стран, но и основополагающие принципы двух культур, традиции, ценности, идентичности⁵. Если Китай как цивилизация стабилен и монолитен, то Россия, напротив, динамична и дискретна. Китайская культура тринитарная, а потому цельная, в то время как русская культура (и российская цивилизация) бинарная, дихотомичная, а потому потенциально подвержена расколу. Отсюда следует, что Китай развивается по медиативной логике, порождая «срединную культуру», сплавившую китайскую цивилизацию, а Россия следует инверсионной логике, не знающей середины. Китай по преимуществу традиционен, и в большинстве случаев эти традиции глубоко архаичны и мифологичны. Россия же преимущественно инновативна, а к собственным

традициям критична и амбивалентна. Китай принадлежит к культурам, опирающимся на письменность, выраженную в иероглифах, то есть визуально-графически. Россия опирается на устную традицию, выраженную риторически или диалогически. В конфессиональном отношении Китай и Россия во многом взаимоисключительны: в Китае на протяжении многих веков сложился альянс конфуцианства, даосизма и буддизма, а китайский коммунизм строится на историческом основании этого синтеза; для России эти религии маргинальны и экзотичны. Традиционные для России религии — православие (в том числе старообрядчество) и ислам (для ряда национальных регионов) — почти в равной мере чужды китайской культуре и неорганичны китайской цивилизации. В этом отношении глобальный союз России и Китая строится по принципу «*взаимопора*», то есть держится на единстве «сдержек» и «противовесов».

6. Еще более сложным явлением глобального порядка предстает 5-компонентный союз глобалитетов БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Эта сравнительно недавно возникшая в мировом сообществе геополитическая конструкция, внешне очень эффективная и перспективная, наглядно представляющая собой *многополярный мир* и дальнейшие трансформации глобальных процессов. Глобальный масштаб этого союза впечатляет: огромная территория, занимаемая пятью государствами, невероятная численность населения этих стран (особенно за счет Индии и Китая), охват всех континентов — Восточная и Южная Азия, Южная Америка, Южная Африка, российская Евразия (включая значительную часть Восточной Европы). Правда, эти страны довольно далеко отстоят друг от друга, что значительно затрудняет коммуникацию между частями этого союза. В языковом отношении все пять стран сильно отличаются друг от друга, что также осложняет их взаимную коммуникацию: русский государственный (и около 190 национальных языков) в России, китайский (и несколько его диалектов, а также языки национальных меньшинств) в Китае, хинди (и еще 20 официальных языков) в Индии, португальский в Бразилии и десяток разнородных языков Южной Африки; все языки взаимно трудны для изучения и распространения и несводимы к какому-нибудь «общему знаменателю». Английский язык также не может стать общим языком межнационального общения (он вполне годится только для Индии, где закреплен в качестве вспомогательного официального языка). В конфессиональном отношении все пять стран, образующих БРИКС, практически несовместимы: в России — православие и отчасти ислам, в Китае — буддизм, в Индии архаичная политеистическая религия — индуизм (также ислам и еще несколько второстепенных конфессий), в Бразилии — католицизм, в ЮАР — вероятно пестрая коллекция разнородных религий и языческих верований.

7. Все перечисленные черты союза глобалитетов БРИКС характеризуют это геополитическое образование как буквальное воплощение *многополярности* современного мира, в котором *разнообразие* (приближающееся к многообразию самого мирового сообще-

¹ Кондаков И. В. Указ. соч. С. 486. См. также: Брусиловская Л. Б. Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля. М.: Изд-во УРАО, 2001.

² См., например: Кондаков И. В. Россия — Китай: состязание глобалитетов // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 5А. С. 5–12.

³ Кондаков И. В. Глобалитет России: история и современность. С. 301–302.

⁴ См. подробнее: Кондаков И. В. Россия — Китай: диалог культур, союз глобалитетов // Теория и практика российско-китайских отношений: кол. моногр. / И. А. Алешковский, О. Н. Астафьева, Н. О. Бабушок [и др.]; отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М.: Проспект, 2020. С. 173–226.

⁵ См. подробнее: Кондаков И. В. Сравнительный анализ цивилизационной идентичности России и Китая // Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества: кол. моногр. / [авт. кол.]; под ред. А. Н. Чумакова, Ли Хэй. М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К^о», 2021. С. 28–48.

ства) превалирует над его *единством*. Важно понять, как обеспечить ценностно-смысловое единство столь многосоставного союза глобалитетов, поскольку здесь формулой «взаимоупора» уже невозможно ограничиться. *Во-первых*, все пять культур/цивилизаций являются «не-западными», а значит, в той или иной степени противостоят коллективному Западу (США, Евро-союзу, НАТО и т. п.) и по крайней мере сохраняют по отношению к нему нейтралитет. Однако вся пятерка БРИКС не ассоциируется с коллективным Востоком: Бразилия, представляющая собой Латинскую Америку, не является восточной страной. *Во-вторых*, из пяти стран БРИКС четыре (КНР, Индия, Бразилия и ЮАР) могут быть причислены к Глобальному Югу, отчетливо противостоящему Глобальному Северу. Россия же, несомненно, принадлежит к Глобальному Северу. *В-третьих*, страны БРИКС, вместе взятые, не являются антиподом западным демократиям: если Россия и Китай по своему политическому устройству тяготе-

ют к авторитаризму, то Индия, Бразилия и даже преодолевшая апартеид ЮАР относятся к демократиям, сопоставимым с европейскими. *В-четвертых*, во всех пяти культурах/цивилизациях огромную роль играют традиционные ценности и архаические традиции, возникшие в России почти тысячелетие назад, а в Индии и Китае — более трех, а в ЮАР существующие без изменений до сих пор. Вся эта архаика, возникшая из древнейшей мифологии, гетерогенна и разнородна; она не столько соединяет страны, сколько разъединяет и ослабляет их. *В-пятых*, общие для пяти стран БРИКС ценности и принципы, действительно соединяющие их в единое целое и усиливающие их союз, относятся к научно-техническим и культурным достижениям современной мировой цивилизации, и только благодаря им в этих странах поддерживается высокий уровень технологического, экономического и социокультурного развития, сравнимый с мировыми образцами западного происхождения.